

Линь Шисинь вспомнил, как впервые познакомился с Ци Фэйжанем, когда тот, ухватившись за его руку, откусил лист пекинской капусты. Он вспомнил, как тот сидел и с изяществом съедал приготовленную им еду. Ци Фэйжань ел всё, что Линь Шисинь ему предлагал, без малейшей тени сомнения, с довольным и немного глуповатым выражением лица, словно большой пёс, который, несмотря на множество обид от людей, снова решил довериться им...

Мысли Линь Шисиня металась, и перед его глазами промелькнули бесчисленные воспоминания. Он почувствовал, как сердце его сжалось, и он замер, словно парализованный. Ему было больно, и эта боль была настолько сильной, что он чувствовал себя совершенно беспомощным.

Юй Цзиндун наблюдал за Линь Шисинем, который стоял, не мигая, словно был загипнотизирован, и подумал: «Ци Фэйжань, Ци Фэйжань, я уже сделал для тебя всё, что мог, теперь всё зависит от тебя самого».

Работа официантом в баре, скорее всего, больше не была возможна. Даже если Ци Фэйжань не появлялся бы в баре, Линь Шисинь всё равно боялся, что Юй Цзиндун с мрачным лицом уговорит его уволиться. Жаль было терять такую высокую зарплату, и Линь Шисинь не мог не злиться. Казалось, что он просто враждует с Ци Фэйжанем: из-за его брата он потерял работу в бильярдной, а в баре столкнулся с его лучшим другом, и теперь, самопровозглашённый «король подработок», он остался без работы.

Линь Шисинь отвлёкся, в то время как стоящая внизу первокурсница только что закончила читать своё сочинение и ждала его комментариев. Ли Хуэйжу кашлянула, чтобы напомнить ему, и Линь Шисинь наконец очнулся, взяв мел и начав выделять на доске шесть элементов рассказа.

Ци Фэйжань, как всегда, сидел в дальнем углу класса, где проходило собрание литературного кружка, и тихо наблюдал за ним. Это был уже третий раз, когда Линь Шисинь отвлекался. Когда он терялся в мыслях, его глаза были неподвижно устремлены в одну точку, рот слегка приоткрыт, а уголок волос торчал, как у глупого кота, которого загипнотизировали.

Вероятно, его так сильно отвлекала предстоящая поездка в Пекин на конкурс в конце января. Хотя Линь Шисиня заранее предупредили, что он обязательно должен участвовать в конкурсе, процедура оставалась прежней: сначала нужно было написать сочинение на свободную тему, затем пройти предварительный этап вместе с другими участниками. Будучи единственным, кто прошёл предварительный этап в прошлый раз, Линь Шисинь на последних собраниях проверял работы участников из кружка. Некоторые были написаны с литературным талантом, но не имели сюжета, другие отличались сильным драматическим конфликтом, но были написаны безграмотно, с ошибками в синтаксисе. Линь Шисинь тратил много сил на исправления, и даже Ци Фэйжань, который был слаб в литературе, понимал, что некоторые работы были безнадёжны и точно не пройдут отбор, но Линь Шисинь всё равно терпеливо объяснял и учил, приводя примеры.

Когда собрание закончилось, уже стемнело, и Линь Шисинь собирал работы на столе, расставляя их по номерам.

Ци Фэйжань протянул ему бутылку воды:

— Устал? Зачем тебе это? Некоторые из них даже не стоит отправлять на конкурс.

Линь Шисинь улыбнулся:

— Не факт. У каждого свои предпочтения, кто знает, что понравится жюри?

— Каждый день ты читаешь чужие работы, а свою уже написал? — спросил Ци Фэйжань.

Линь Шисинь вытащил из стопки две работы:

— Вот мои. Ещё не решил, какую отправить. Может, посмотришь?

Ци Фэйжань взял их:

— Я ничего не понимаю, у меня уровень низкий.

Линь Шисинь закатил глаза:

— Не думай слишком много. Я не жду от тебя критики, просто учись.

Вечером Ци Фэйжань вернулся домой, поужинал, принял душ, переоделся и сел за стол, чтобы внимательно прочитать две работы Линь Шисиня. Одна была фантастическим рассказом о главном герое, который, чтобы предотвратить трагедию, возвращается в прошлое через червоточину и меняет судьбу. Сюжет был запутанным, с множеством поворотов, а финал оставлял читателя в восхищении и желании узнать больше, напоминая стиль фильмов Хичкока.

Другая работа была эссе на тему «Моё мнение о взаимоотношениях врачей и пациентов». В ней использовалось множество примеров из новостей, анализировались плюсы и минусы зарубежных медицинских систем, а также предлагалось видение будущего в контексте местных реалий. Заключение было мощным и логически выстроенным, словно крик души.

Две работы были совершенно разными по стилю, но обе отличались литературным мастерством и свободой изложения. Когда Линь Шисинь спросил Ци Фэйжаня о впечатлениях, тот честно ответил:

— Обе хороши.

Линь Шисинь лишь усмехнулся.

— Но, учитывая, что это конкурс, я думаю, фантастический рассказ выделяется больше, — предложил Ци Фэйжань.

— Ты прав, я тоже так думаю, но мне больше нравится эссе. К тому же среди судей есть эксперты в области медицины, и мне интересно узнать их мнение, — сказал Линь Шисинь.

— Ты хочешь стать врачом? — спросил Ци Фэйжань.

— Нет, просто мне интересна эта тема.

Участие в конкурсе литературного кружка было самым важным событием для творческой молодёжи Первой средней школы Инцин. Почти каждый день Линь Шисинь был погружён в чтение работ, делая пометки и исправления.

В отличие от занятости Линь Шисиня, у Ци Фэйжаня тоже было две важные задачи. Во-первых, ему нужно было обогнать Линь Шисиня в учёбе. Это не было задачей, поставленной кем-то другим, но он сам считал это необходимым.

Любовь может сделать человека ничтожным, и Ци Фэйжань уже чувствовал себя наполовину

погребённым заживо, просто думая о Линь Шисине. Если он ещё и в учёбе будет хуже, то какой толк от его высокого роста и физической силы? Разве Линь Шисинь полюбит его только за это?

21-летний Ци Фэйжань, никогда не посещавший дополнительные занятия, нанял частного преподавателя по литературе.

Второй задачей было найти законный повод, чтобы поехать с Линь Шисинем в Пекин на конкурс.

Хотя Ци Фэйжань старался сдерживать себя и не создавать лишних поводов для встреч с Линь Шисинем, он всё равно не мог удержаться и тайно следовал за ним. Раньше они сидели за одной партой, но теперь, живя в разных районах, Ци Фэйжань мог только украдкой следовать за ним после уроков, молча сопровождать его до автобуса и наблюдать, как он смеётся и разговаривает с Шэнь Ин.

Да, с тех пор как Шэнь Ин вернулась после травмы, Линь Шисинь стал её защитником. Слухи о том, что произошло между ними в коридоре той ночью, разлетелись мгновенно, и Линь Шисинь пришлось заявить, что это он ухаживал за Шэнь Ин. Шэнь Ин, которая и так его любила, не стала отрицать, а в самый опасный момент именно Линь Шисинь защитил её и задержал лысого маньяка...

Ци Фэйжань вздохнул. Даже если бы Шэнь Ин была парнем, она бы уже влюбилась.

Пейринг «Бабочки» слишком долго оставался без внимания, и фанаты на форуме уже начали разбегаться. Как главный фанат этого пейринга, Ци Фэйжань должен был создать возможность для их совместной поездки в Пекин.

24 января было днём рождения Ци Ляньхуая. За неделю до этого СМИ уже начали сообщать о подготовке к празднованию дня рождения главы семьи Ци. Корпорация «Хунда» всегда привлекала внимание общественности, ведь это крупная транснациональная компания с бизнесом по всему миру, известная своими инновациями и готовностью использовать передовые технологии для решения сложных задач.

Семья Ци начинала с телекоммуникационных технологий три поколения назад, а сейчас занимается множеством направлений, включая крупнейшие розничные сети, развитие недвижимости и инфраструктуры в инновационных зонах, а также предоставление самых современных телекоммуникационных услуг. Руководители «Хунды» — это местные богачи, среди которых есть и настоящие миллиардеры. Каждый год они приезжают на день рождения Ци Ляньхуая с членами семьи или знаменитостями, и это сразу становится главной темой в СМИ, по которой можно судить, какая знаменитость скоро станет популярной и кто её спонсирует.

Вечером 23 января Ци Фэйжань, как единственный признанный наследник семьи Ци, сел в чёрный лимузин и тихо отправился из города Ин в дом отца.

Проведя в машине совсем немного времени, Ци Фэйжань развязал аккуратно завязанный галстук и растрёпал свои аккуратно уложенные волосы, превратив их в птичье гнездо. Белая рубашка с острым воротником обтягивала его высокую фигуру, подчёркивая мускулистые линии. Серый галстук болтался на шее, а верхние пуговицы рубашки были расстёгнуты, обнажая бронзовую ключицу. На чёрном пиджаке были серебряные пуговицы с логотипом «Хунды» — птица, держащая жемчужину, окружённую белыми бриллиантами. На манжетах были такие же пуговицы — символ высокого статуса в «Хунде», которые сверкали при свете.

[Примечаний нет]

<http://bllate.org/book/17671/1647124>